

Конструкции с именами меры в бесермянском: синтаксические свойства и семантические ограничения¹

Усачёва М.Н. (Институт языкознания РАН), Сердобольская Н.В. (Институт языкознания РАН/ГИРЯ им. А.С. Пушкина)

Конструкции с именами меры вида *два стакана молока* в языках мира проявляют особые синтаксические и семантические свойства, в зависимости от интерпретации имени меры как объекта действительности или как десемантизированного «нумератива» / классификатора и способности к самостоятельной референции (Kortjevskaja-Tamm 2009; Partee, Borschev 2012). Мы рассматриваем, насколько морфосинтаксис таких конструкций в бесермянском (пермские языки) определяется их семантическими свойствами. Исследование базируется на полевых данных и данных корпусов.

М. Копчевская-Тамм относит псевдопартитивные конструкции удмуртского языка к типу «соположение»: связь между измеряемым и именем меры выражается порядком слов. Измеряемое является вершиной, а группа «числительное + имя меры» – модификатором (1). Все морфологические показатели обычно оформляют вершину (падеж и посессив в (1)), как и в атрибутивных конструкциях. Однако в бесермянском в отличие от атрибутивных конструкций, носители могут допускать оформление имени меры грамматическими показателями. Мы показываем, что морфологические свойства имени меры определяются его семантикой и способностью к самостоятельной референции. Рассматриваются четыре типа количественных групп, представляющих собой минимальные пары по следующим параметрам: +/- одушевленность, +/- исчисляемость измеряемого и +/- абстрактность меры («щепоть», «килограмм» vs. «ложка», «корзина»). Выводы:

1. Способность измеряемого оформляться показателем множественного числа -(j)os регулируется следующей иерархией:

Обозначения людей > обозначения животных и крупных объектов > мелкие объекты > неисчисляемые имена

При обозначениях людей показатель множественного числа обязателен, при неисчисляемых – недопустим. Для промежуточных позиций на иерархии показатель более характерен для обозначений животных и крупных объектов, нежели для мелких объектов. Вероятность наличия показателя повышается в зависимости от позиции имени меры и измеряемого в информационной структуре высказывания (как и в ИГ с количественными числительными (Архангельский, л.с.)).

Далее, предметные имена меры способны присоединять посессив, в отличие от непредметных (2a). Однако в этом случае меняется интерпретация конструкции: имя меры понимается как физический объект, а не как мера.

Мы объясняем наблюдаемые факты особой семантикой рассматриваемых морфологических показателей. Посессивы в бесермянском используются для поддержания референции; в силу этого, при присоединении посессива объект (горсти муки в (2a)) понимается как способный к самостоятельной референции, а не как мера. В этом случае носители склонны использовать другие конструкции (2б).

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №20-512-14003 «Языковое разнообразие в Поволжском языковом союзе» и проекта «Параметрическое описание языков РФ», реализуемого в ГИРЯ имени А.С. Пушкина.

Показатель множественного числа в бесермянском используется для индивидуализации объекта (Шматова, Черниговская 2012). Соответственно, он чаще используется в конструкциях с одушевленным измеряемым. Множественное число на показателе меры трактуется как аппроксиматор (приблизительно две ложки).

Большая часть синтаксических признаков совпадает у всех рассматриваемых конструкций: допускается ветвление и замена на анафору измеряемого, ветвление обозначения меры, вынос измеряемого, разрыв внешним элементом (глаголом); не допускается перестановка числительного и имени меры. Наблюдаются следующие различия: некоторые группы допускают перестановку имени меры и измеряемого (напр. *kək gibi kədə* букв. ‘два гриб корзина’), однако такие примеры интерпретируются не как квантификация измеряемого (две корзины грибов), а, например, как предназначение (две корзины для грибов). То есть, здесь речь идет об атрибутивной конструкции с соположением, а не о конструкции меры.

Семантически имена меры отличаются от немаркированных атрибутивных модификаторов при соположении: в отличие от последних (Arkhangelskij 2018), немаркированные имена меры всегда нереферентны. Если же маркировать их, например, посессивным показателем, они интерпретируются как физические объекты (3). В целом, носители предпочитают использовать в таких случаях другие синтаксические конструкции.

Итак, в бесермянском имена меры ведут себя различным образом в зависимости от семантики конструкции. Допустимость тех или иных морфологических показателей зависит от возможности понимания меры как физического объекта или как десемантированного нумератива (ср. типы «контейнер – содержимое» vs. «стандартная/ad hoc мера» в Partee, Vorschev 2012), т.е. от положения имени меры на шкале «абстрактная мера > предметная исчисляемая мера», а также от одушевленности измеряемого. Синтаксических различий между типами конструкций не выявлено.

Примеры

(1) *kək š'uš' soda-ja-d pəž'ə-r-t-ə limon-de,*
 два щепоть сода-P.ILL/LOC-P.2(SG) выжимать-SMLF-IMP.SG лимон-ACC.P.2(SG)
sre pun n'an'-a-d.
 потом класть.IMP.SG тесто-P.ILL/LOC-P.2(SG)

‘В две щепотки соды выжми лимон, потом положи в тесто.’

(2)– *ul' n'an' leš'-t-on dər-ja n'il kərəm piž' pun-ono.*
 сырой тесто.делать-SMLF-VN время-ADV четыре горсть мука класть-DEB

a. – **n'il' kərəm-me piž' olo n'il' kərəm-de piž' pun-ono?*
 четыре горсть-ACC.P.1(SG) мука или четыре горсть-ACC.P.2(SG) мука класть-DEB

б. – *mənam kərəm-en-əm=a, tənad kərəm-ən-əd=a n'il' punono?*
 я.GEN1 горсть-INSTR-P.1(SG)-Q ты.GEN1 горсть-INSTR-P.2(SG)-Q четыре класть-DEB

‘– Когда готовишь тесто, надо положить четыре горсти муки. – Моих четыре горсти или твоих четыре горсти надо положить?’

(3) *vič'ak en pun, kwın' pin'ə gine / *kwın' pin'ə-de*
 все NEG.IMP класть три ложка только три ложка-ACC.P.2(SG)
gine pun.
 только класть.IMP.SG

‘Весь (сахар) не клади, положи только три ложки.’

(Комментарий: если так сказать, это будет значить, что в тесто положили сами ложки.)

Литература

Архангельский Т. 2018. Конструкция с соположением в бесермянском. Доклад на Первой конференции по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам памяти А.П. Володина. Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2018.

Шматова М. С., Черниговская Е. А. Категория числа существительного в марийском и пермских языках. Кузнецова А. И. (отв. ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. формальный и функциональный подходы. С. 221–247.

Koptjevskaya-Tamm M. 2009. “A lot of grammar with a good portion of lexicon”: towards a typology of partitive and pseudo-partitive nominal constructions. In *Form and function in language research*, ed. by W. Bisang, H. H. Hock and W. Winter. Mouton de Gruyter. Pp. 329–347.

Partee B.H., Borschev V. Dva stakana moloka: Substances and Containers in Genitive of Measure Constructions in Russian. *Русский язык в научном освещении* 24.2, 2012. С. 140–167.